

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВОВОЙ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Огороднийчук И.А., ст. преподаватель

Одесская государственная академия строительства и архитектуры

Тел. (148) 20-47-05

Аннотация – В статье рассматриваются философско-методологические проблемы воспитания у студенческой молодежи правовой и эстетической культуры, с учетом становления в стране товарно-рыночных отношений.

Ключевые слова – динамическая концепция культуры, конфликтная ситуация, сходство, функции, форма, содержание.

Постановка проблемы. Существует ли в обществе конвергентность в культуре, в эстетике, в архитектуре и чем это определяется?

© Огороднийчук И.А., 2004

Цель исследования. На ряде примеров развития культуры, эстетики и архитектуры показать их взаимосвязь и диалектическую взаимообусловленность.

Задачи исследования. Осветить методологическую основу в развитии и становлении специфических форм общественного сознания, каковыми являются культура и эстетика.

В современных исследованиях комплексного подхода к формированию правовой и эстетической культуры справедливо отмечается, что само понятие «культура» - одно из наиболее многозначительных в научном лексиконе.

Не вдаваясь в анализы всех определений культуры и не ставя своей задачей предлагать очередное определение, укажем все же на то, что в последние годы в значительной степени преодолена тенденция сводить культуру к совокупности надстроечных явлений, находящихся в компетенции определенных институциональных ведомств. Культура все чаще рассматривается как совокупность многообразных проявлений человеческой деятельности. Преодолено также господствовавшее определенный период в рамках второго из названных подходов сведение феномена культуры к совокупности материальных и духовных ценностей – так называемое статичное ее истолкование – и активно разрабатывается динамическая концепция культуры. Сущность этой концепции, основывающаяся на признании взаимосвязи результатов культуuroобразующей деятельности и самого процесса деятельности, в общих чертах уже охарактеризована. И до тех пор, пока указанная взаимосвязь рассматривается в предельно общем виде: культура – это воплощение деятельности, деятельность – это освоение наличных форм культуры и конституирование новых форм – осмысление такой взаимосвязи, казалось бы, не составляет проблемы.

Слово «культура» происходит от латинского слова *colure*, что означает культивировать, или возделывать почву. В средние века это слово стало обозначать прогрессивный способ возделывания зерновых, таким образом, возник термин *agriculture* или искусство земледелия. Но в XVIII и XIX вв. его стали употреблять и по отношению к людям, следовательно, если человек отличался изяществом манер и начитанностью, его считали «культурным». Тогда этот термин применялся главным образом к аристократам,

чтобы отделить их от «некультурного» простого народа. Немецкое слово Culture также означало высокий уровень цивилизации. В нашей сегодняшней жизни слово «культура» все еще ассоциируется с определенным театром, прекрасной литературой, хорошим воспитанием.

Современное научное определение культуры отбросило аристократические оттенки этого понятия. Оно символизирует убеждения, ценности и выразительные средства (применяемые в литературе и искусстве), которые являются общим для какой-то группы. Верования и взгляды определенной подгруппы часто называют субкультурой.

Усвоение культуры осуществляется с помощью научения. Культура создается, культуре обучаются. Поскольку она, не приобретаемая биологическим путем, каждое поколение воспроизводит ее и передает следующему поколению. Этот процесс является основой социализации. В результате усвоения ценностей, верований, норм, правил и идеалов происходят формирование личности ребенка и регулирование его поведения. Если бы процесс социализации прекратился в массовом масштабе, это привело бы к гибели культуры.

Культура формирует личности членов общества, тем самым она в значительной степени регулирует их поведение.

О том, насколько важна культура для функционирования индивида и общества, можно судить по поведению людей, не охваченных социализацией. Неконтролируемое, или инфантильное поведение так называемых детей джунглей, которые оказались полностью лишенными общения с людьми, свидетельствует о том, что без социализации люди не способны усвоить упорядоченный образ жизни, овладеть языком и научиться добывать средства к существованию. В результате наблюдения за несколькими «сущностями, не проявлявшими никакого интереса к тому, что происходило вокруг, которые ритмично раскачивались взад и вперед, словно дикие звери в зоопарке», шведский натуралист XVIII в. Карл Линней сделал вывод, что они являются представителями особого вида. Впоследствии ученые поняли, что у этих диких детей не произошло развития личности, для которого необходимо общение с людьми. Это общение стимулировало бы развитие их способностей, становление их «человеческих» личностей.

Другая важная часть культуры состоит в том, что культурные ценности формируются на основе отбора определенных видов поведения и опыта людей.

Каждое общество осуществило свой отбор культурных форм. Каждое общество с точки зрения другого пренебрегает главным и занимается маловажными делами. В одной культуре материальные ценности едва признаются, в другой они оказывают решающее влияние на поведение людей. В одном обществе к технологии относятся с невероятным пренебрежением, даже в сферах, необходимых для выживания людей, в другом аналогичном обществе постоянно совершенствующаяся технология соответствует требованиям времени. Но каждое общество создает огромную культурную надстройку, которая охватывает всю жизнь человека – и юность, и смерть, и память о нем после смерти.

В результате такого отбора прошлые и нынешние культуры совершенно различны. В некоторых обществах считали войну самой благородной деятельностью человека. В других ее ненавидели, а представители третьих не имели о ней представления. В соответствии с нормами одной культуры женщина имела право выходить замуж за своего родственника. Нормы другой культуры это решительно запрещают. В нашей культуре галлюцинации считаются симптомами психического заболевания. Другие общества расценивают «мистические видения» как высшую форму сознания. Короче говоря, существует великое множество различий между культурами.

Культура – цемент здания общественной жизни. И не только потому, что она передается от одного человека к другому в процессе социализации и контактов с другими культурами, но также и потому, что формирует у людей чувство принадлежности к определенной группе. По всей видимости, члены одной культурной группы в большей мере испытывают взаимопонимание, доверяют и сочувствуют друг другу, чем посторонним. Их общие чувства отражены в сленге и жаргоне, в любимых блюдах, моде и других аспектах культуры.

Культура не только укрепляет солидарность между людьми, но и является причиной конфликтов внутри групп и между ними. Это можно проиллюстрировать на примере языка, главного элемента культуры. С одной стороны возможность общения способствует сплочению членов социальной группы. Общий язык объединяет людей. С другой – общий язык исключает тех, кто не говорит на этом языке или говорит на нем несколько иначе. В Великобритании представители различных общественных классов употребляют несколько отличающиеся формы английского языка. Хотя все владеют «английским языком», некоторые группы употребляют «более правильный» английский, чем другие. В Америке имеется тысяча и одна разновидностей английского языка. Кроме того, социальные группы отличаются друг от друга своеобразием жестикულიции, стиля одежды и культурных ценностей. Все это может стать причиной конфликтов между группами.

Культурообразующие функции человеческой деятельности, таким образом, проявляются прежде всего в ее универсальности и постоянной динамике, поскольку деятельность по своей сущности не может быть воплощена без остатка в одной-единственной предметной форме – смена всех и всяких предметных форм, т. е. формообразование как таковое. Применительно к интересующей нас теме это означает, что человеческая деятельность бесконечно разворачивается и обновляется в постоянно обновленном мире очеловеченной предметности в той реальности, которая называется... культурой, взятой... в ее историческом развитии.

Итак, все формообразования человеческой культуры - эстетика, архитектура, мораль, право и др., возникают, функционируют и развиваются в человеческой деятельности, все более универсализирующейся по мере прогресса культуры. Наряду с этим приобретает все больший размах специализация деятельности, масштабы которой с чрезвычайной остротой ставят ныне на порядок дня вопросы о способах того процесса, который Гегель в свое время назвал «вынесением» индивидуального действия в «стихию всеобщего».

Осмысление указанных особенностей человеческой деятельности неотделимо от раскрытия того обстоятельства, что всеобщность и инвариантность деятельности по отношению к локальным формам жизни – это сущностное, но не субстанциализировавшееся свойство деятельности, следовательно, оно неотделимо от какого-то иного свойства, являющегося его противоположностью.

Для того чтобы только что сформулированное абстрактное предположение в какой-то степени конкретизировать, сошлемся для начала на то, что в последние годы, по-видимому, не случайно, повысился интерес к изучению, наряду с универсально-всеобщими характеристиками человеческой деятельности, таких ее социокультурных характеристик, как «стиль жизни», «жизненная позиция», фиксирующие те особые спецификации всеобщих способов человеческой жизнедеятельности, изучение которых позволяет уяснить исторически определенный способ существования и развития, деятельности и взаимодействия людей, способ взаимосвязи институциональных и индивидуальных форм жизни.

Указанными обстоятельствами, на наш взгляд, актуализируется необходимость рассмотрения взаимосвязи универсальных культурообразующих свойств человеческой деятельности с теми ее характеристиками, которые присущи определенным типам и подтипам культур и которые проявляются в процессе освоения мира каждым конкретным субъектом жизнедеятельности. Иными словами, речь идет о выявлении тех универсально-всеобщих свойств деятельности, которые обеспечивают ее особые, конкретно-исторические спецификации.

Любое общество может успешно развиваться, опираясь на четко обозначенные реальные цели, на научно выверенную модель жизнеустройства. В нынешних условиях у нас отсутствует представление о контурах общества, которое мы хотим построить. В частности, нет ясности относительно позиции государства по отношению к гражданину в условиях перехода к рынку. А это одна из важнейших проблем, связанных с социальной защитой человека, с принципами взаимоотношения государства и человека в пост тоталитарном обществе. Назрела необходимость сформулировать концепцию взаимоотношений государства и человека в условиях перехода к рынку. Эта концепция должна охватывать ответы на вопросы: берет ли на себя государство функцию социальной защиты прав человека, или оставляет его один на один с рыночной стихией; будет (и должно ли) государство регулировать распределительные отношения; правомерно ли перераспределение доходов между различными социальными слоями общества через налогообложение, государственный бюджет, финансирование социальных программ; должно ли государство заниматься «выравниванием» социального неравенства и ведет ли свобода, формирующаяся в экономической сфере, к утверждению такого неравенства; устарели ли идеи равенства в новых условиях, являются ли они мифом или реальностью; можем ли мы создать общество, созданное на принципах социальной справедливости и нравственности. Или в условиях рынка следует от них отказаться? Какова бы ни была модель нового общества (привлекательная или непривлекательная), но она должна быть сформулирована, должны быть определены принципы и устои общества, приходящего на смену тоталитарному режиму.

Те рыночные модели, которые предлагаются нам сегодня, основаны на жестких стандартах, связанных с борьбой за существование, конкуренцией, минимизацией роли государства в социальной защите прав человека. При этом не учитываются особенности пост социалистической экономики и общественного сознания, воспитанного на совершенно иных постулатах.

Данное положение можно подтвердить и на примере современной культуры в нашем обществе, а также на примере эстетики, как специфической формы общественного сознания. Как известно, содержание и структура эстетики в каждую эпоху исторически обусловлены, с одной стороны, уровнем и характером освоения действительности всеми формами эстетической деятельности и эстетического сознания, с другой – характером тех философских систем, на которые опиралась эстетика, а также состоянием специальных наук – истории, социологии, психологии, искусствознания и других, так или иначе привлекаемых эстетикой для решения ее проблем.

История эстетики свидетельствует, что предмет эстетики то расширялся, то сужался, а методы ее, ассимилируя достижения других наук, в основном все более и более совершенствовались.

Дифференциация предмета эстетики свидетельствует не только о его сложности, но и о развитии самого эстетического знания, о разнообразии способов исследования его предмета. Если в прошлом эстетика была в основном связана с философией и искусствознанием, то в настоящее время для решения своих проблем она привлекает не только общественные, но и естественные науки, математику. Правда, количественные методы при анализе искусства были применены уже в эпоху античности пифагорейской философской школой. Использование данных физиологии и психологии характерно для многих эстетиков прошлого, например Аристотеля, Дидро, Канта. Но так как эффективное применение конкретных наук зависит от уровня их развития, то только в нашу эпоху, в эпоху их всестороннего и бурного расцвета, стало возможным действительно плодотворное содружество различных дисциплин при решении актуальных проблем эстетики. Необходимость взаимодействия различных наук при исследовании проблем эстетической деятельности, произведений искусства и его реципиентов вызвана их сложностью, наличием в них различных взаимообусловленных уровней и структур.

Наиболее общими, философскими вопросами эстетики являются вопросы о взаимоотношении субъекта и объекта, материального и идеального в эстетической деятельности и эстетическом восприятии; вопросы о народности искусства, о взаимоотношениях искусства с другими формами общественного производства и формами общественного сознания, об исторических закономерностях развития искусства, о реализме и об эстетическом воспитании и др. Решение этих обще эстетических проблем является методологической основой для конкретных наук, используемых при изучении художественного творчества, произведений искусства, его реципиентов, взаимодействия искусства с другими формами общественного сознания, а также различными сферами общественной практики, бытом и. т. д.

Эстетика как наука в ее современном состоянии является как бы соединительным звеном между философией и конкретным исследованием искусства различными

искусствоведческими дисциплинами – литературоведением, музыковедением, архитектурой и живописью и др. При этом следует отметить, что философская методология в эстетике дополняется методами различных наук, не связанных непосредственно с изучением искусства (психология, кибернетика, семиотика, математическое моделирование).

Усложнение предмета эстетики ставит перед ней как наукой проблему упорядочения и логического обоснования самой эстетики, которая должна стремиться к наиболее полному и адекватному отражению своего предмета. Поэтому эстетика должна устанавливать для всей системы искусства и эстетической культуры вообще последовательность их анализа с помощью различных методов, начиная от философских и вплоть до специальных конкретно-научных.

Комплексный подход к формированию правовой и эстетической культуры предусматривает и рассмотрение вопроса о социально правовом положении человека в обществе. Современные реалии заключаются не в потребительских настроениях граждан бывшего Союза, а в том, что люди болезненно расстаются с идеологическими принципами, если последние отвечают естественному стремлению человека к равенству, справедливости, утверждению достоинства личности. Следовательно, необходимо считаться с социальными ожиданиями общественного сознания и стремиться к формированию отношений, в которых государство не будет пассивным созерцателем, индифферентным к положению своих граждан, попавших в неведомые им ранее рыночные ситуации. Речь идет не о государственном вмешательстве в развитие экономических процессов, а о государственном содействии, цель которого – выполнение обязанности государства по отношению к человеку, зафиксированной в ст.25 Всеобщей Декларации прав человека и ст. 11 Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах: обеспечить каждому достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, а также предусматривающий непрерывное улучшение условий жизни. Государство не может уклониться от выполнения такой социальной функции, и сторонники жесткой концепции рынка, практически отрицающие роль государства в решении социальных задач, повторяют аргументы наиболее консервативных идеологов рынка.

Наше общество, сделавшее из марксистской доктрины религию, в нынешних условиях проявляет безразличие к важнейшему вопросу теории и практики – взаимоотношениям государства и гражданина в условиях свободных экономических отношений. Между тем этот вопрос находится в эпицентре политической, экономической, правовой мысли уже несколько столетий – с момента зарождения буржуазных отношений. Сформировалось два подхода к данной проблеме. С одной стороны, теория индивидуальной свободы человека, неотделимая от обязанности государства гарантировать эту свободу от чьего-либо, в том числе и своего, вмешательства. Главное – это экономическая свобода, а политические права служат лишь средством охраны индивидуальной свободы личности, ее независимости. Сторонники индивидуальной свободы (А.Смит, С.Милль, Б.Констан, Д.Локк) понимали, что такая свобода, в конечном счете, порождает неравенство, что равенство и свобода могут противоречить друг другу, однако свободу они считали высшей ценностью, обеспечивающей развитие

индивидуальности и своеобразие личности, которые устраняют уподобление людей друг другу, и государственное невмешательство – главное условие обеспечения этой свободы.

С другой стороны, теория, которая не отрицает значимости индивидуальной свободы, но стремится сочетать ее с равенством личностей, с участием государства в его обеспечении. Основоположник такой концепции Ж.Ж.Руссо считал, что принципу равенства должно быть подчинено все, в том числе и власть, задача которой – обеспечение равенства. В таком подходе четко проступает не только негативное понимание свободы (от вмешательства государства), но и ее позитивное значение как права гражданина на определенные действия государства, связанные, в частности, с обеспечением равенства.

Эти раннебуржуазные концепции равенства и свободы и роли государства по отношению к индивиду нашли выражение в современных теориях либерализма и либерального эгалитаризма. И сегодня существует поляризация мнения относительно того, должно ли государство устранять несправедливости, порождаемые рыночными отношениями, выравнивать социальные неравенства, неизбежно возникающие в условиях стихии рынка, стремиться к утверждению справедливости путем создания социальных программ, организации распределительных механизмов.

Многие ученые, например Ф.Хайек, М.Фридман, считают недоступным любое вмешательство государства в рыночные отношения во имя справедливости и равенства, поскольку это противоречит принципам и структурам свободного рынка. Другое современное течение – новый эгалитаризм – четко обозначило тенденцию к выравниванию социального положения людей (Дж. Роулс, К.Дженкинс), смягчению такого рода неравенств. В лице нового эгалитаризма выступает своего рода антипод консервативным моделям капиталистического развития, поэтому не случайно виднейшие американские неоконсерваторы активно включались в полемику с ним.

По мере развития современного общества и в теории, и на рынке преобладает подход, связанный с возрастанием социальной функции государства (теория государства всеобщего благоденствия), с расширением социальных программ, выравниванием несправедливости, порождаемой рыночными отношениями.

Однако нашему обществу навязываются теории консервативного толка, сводящие к минимуму социальную роль государства, которая должна распространяться главным образом на малообеспеченные слои с наиболее низкими доходами. В современном мире такие теории неприемлемы даже для традиционного общества. Тем более непригодны они в нашем обществе.

Насколько применим западный опыт к тому, что у нас происходит? Это непростая проблема, и беда заключается в том, что наша интеллигенция бросается из крайности в крайность: либо мы полностью воспроизводим то, что есть на Западе, без всякой критичности, пытаясь, это опрокинуть на нашу почву и не учитывать никакие социокультурные и исторические факторы, либо, наоборот, мы полностью отрицаем, опыт Запада и начинаем упиваться собственной специфичностью.

Представляется, что в современных условиях пути обеспечения прав человека и гражданина прежде всего, связаны с успешным проведением экономической реформы и гарантированием социальной защищенности граждан. Необходимы неотложные меры по укреплению законности, правопорядка и преодолению массовых нарушений прав человека. Нужна широкая пропаганда прав человека, важно формировать в обществе культуру этих прав как составную часть юридической культуры.

К сожалению, бюрократические, антизаконные принципы не изжиты. Мы даже говорить перестали о создании правового государства, что так шумно дебатировали еще несколько лет назад. Мы опутаны ворохом разнообразных указов и распоряжений, как самых больших начальников, так и начальников поменьше. И где же, спрашивается, наша бюрократия, которая, по Гегелю и Веберу, состоит из квалифицированных специалистов духовного труда, с сильно развитой сословной честью, гарантирующей безупречность их деятельности, без чего всегда есть опасность коррупции? Похоже, что коррупция есть, а демократии нет.

Естественная ныне надежда – на влияние мировой экономической и бюрократической системы, которая втянет Украину в свою орбиту и поможет нашему чиновничеству преобразовываться в цивилизованную бюрократию параллельно с преобразованием (усложнением) и структурированием нашей однородной, хаотической жизни. Ибо, пожалуй, впервые Украина переживает свой кризис, не находясь в конфронтации с европейским миром. Если сегодняшняя смута разрешиться благополучно и в Украине возникнет, наконец, среднее сословие, тогда, возможно, возникнет и бюрократия в цивилизованном смысле этого слова. Если же этого не произойдет, мы вновь окажемся во власти воевод (назовите как угодно), и будем не законопослушными гражданами цивилизованного государства, а в который раз уже завоеванными данниками и крепостниками нового «ханства».

Тем более что в соответствии с предупреждением авторов фундаментального труда «Авторитарная личность», вышедшего под редакцией леворадикального философа, одного из лидеров «франкфуртской школы» Т.Адорно, в условиях беспорядков и потрясений (можно употребить термин («социотрясений») политическое многообразие и плюрализм могут вызвать авторитарную политико-культурную реакцию.

Комиссии, комитеты и другие формы контроля, призванные припятствовать бюрократии, вряд ли могут стать действительной преградой на пути этой экспансии: они либо превратятся в малоэффективные инстанции, постепенно заражающиеся общей коррумпированностью, либо будут означать внутреннее разложение, аналогичное оруэлловскому «двоемыслию», накопление которого до некоей критической массы, в конце концов, и привело к смене бюрократической элиты (хотя бы в определенной ее части). Растущая власть бюрократии может быть урезана главным образом бюрократическими средствами: реальной оппозицией, коллективностью решений, децентрализацией и разделением властей.

Таким образом, веберовское определение тенденции бюрократии сводить к минимуму демократический контроль продолжает сохранять свою актуальность.

Однако в современной ситуации массовой демократизации возможна другая опасность: преобладание эмоциональных элементов над рациональными в процессе принятия политических решений. Политика есть согласие в отношении конфликтующих ценностных ориентаций. Ответы на ее вопросы практически не могут быть сформулированы на языке рациональности, остающейся прерогативой бюрократии. Политика характеризуется отсутствием определенности. Однако демократия, в конечном счете, может быть обеспечена только сбалансированностью политического и бюрократического начал. Соскальзывание в ту или другую сторону грозит авторитаризмом.

Основная причина невозможности установления в стране полноценного демократического строя, исключающего элементы авторитарного правления, - отсутствие гражданского общества, которое, как известно, складывается задолго до установления демократических режимов власти.

Демократия защищает право человека на частную собственность, но не богатых распоряжаться жизнью и судьбой остальных людей. Не политика защиты богатых, а политика социальной защиты народа, в том числе и его защиты от бесконтрольной власти богатых, есть демократическая политика/ Народ, от которого отвернулось государство, никогда не будет считать такое государство демократическим.

С понятиями свободы и демократии надо оперировать осторожно и продуманно. Дисциплина, плановость, централизация – не антонимы свободы и демократии. А если они считаются таковыми и отменяются вместе с пресловутой командно-административной системой, то в этом проявляются не лучшие черты нашего национального характера с его размахом то в одну, то в другую сторону. Остается пожелать всерьез подражать западным демократиям, где, возможно, уже найдена золотая середина между стихией и регулированием, свободой и необходимостью, демократией и принуждением. И какими бы ни были благими намерения людей, которые стоят в оппозиции, когда они приходят к власти, оказывается, что, кроме этой оппозиции, никакой другой позиции у них нет. Отсюда наша неспособность к компромиссам, отсюда наша неспособность к диалогу, отсюда наша неспособность просто к умеренности. К мере, которая есть черта национального.

Обновить нашу политическую, социально-экономическую систему – значит осуществить демократизацию на деле, перевести теоретические положения о демократии, свободе, правах личности на простой язык практических действий.

В этой связи перед социально-правовыми науками стоит задача поистине глобального масштаба: отказавшись от деструктивного партикуляризма, перейти к общению на общечеловеческом, общецивилизационном уровне. Это не значит, что следует прекратить изучение особенностей и характерных черт отдельных человеческих общностей. Отнюдь нет. Необходимо лишь изменить вектор исследований, направив их не на поиски слабостей и недостатков, доказательств ущербности и второсортности, а на анализ и развитие всего того ценного, что накоплено людьми в различных уголках нашей планеты.

Пора и политикам утвердиться в понимании того, что как нет в природе более или менее ценных, полезных видов флоры и фауны, каждый из которых играет свою уникальную, незаменимую роль, так нет и в человеческой цивилизации высших или низших рас, народов, классов, конфессий и т. п. Нет на свете народа без своего специфического опыта материального и духовного развития, из которого человечество не могло бы извлечь пользу. Нет такого класса, сословия, которые на определенном этапе исторического развития не играли бы позитивной роли. Нет такой религии, которая, не будучи результатом поиска разума и души человека, не представляла бы интереса и не могла бы быть обращена во благо. В конечном итоге основу всех этих сообществ составляют люди с их не во всем схожей биологией, разнообразием мыслей, интересов и чувств. В обстановке свободы, терпимости и доброжелательности, в обстановке реальной демократии их расцвет будет естественным и взаимообогащающим. Гармоническая общность многообразия – вот наиболее устойчивая и перспективная основа развития личности в правовом государстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сборник документов по истории Нового времени стран Европы и Америки. – М., 1990. – С.96-97.
2. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. Судьба России. – М., 1990. – С.254.
3. 3. Там же, С.255.
4. 4. Орзих М. Ф. Конституционное право: отрасль права, законодательства и юридическая наука // Юридический вестник. – 1995. - №3. – С.139.
5. 5. Конституция Украины. Раздел 2.
6. 6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1. – С.292.
7. Бердяев Н.А. Указ. Соч, С.209.